

Шарль Бодлер - первый декадент Европы и главный символ эпохи или впечатлительный человек с большим воображением и дурным характером?

Литературное расследование биографии поэта в связи с публикацией им книги «Цветы зла»

«Жизненный опыт, - говорил известный философ-винокур Томас Роберт Дьюар, - это то, что ты приобретаешь, когда ищешь что-то совсем другое». Не все назовут такое приобретение удачным - жизненный опыт, как говорится, берет дорого, зато объясняет доходчиво, и многое тут зависит от суммы разочарований, которую придется заплатить.

Но мне думается, опыт - это не то, что происходит с человеком, а то, что делает человек с тем, что с ним происходит. К числу таких людей, безусловно, относится **Шарль Пьер Бодлёр** (9 апреля 1821 - 31 августа 1867) - поэт и критик, классик французской и мировой литературы. Он был личностью, индивидуальностью, у него было свое видение мира. И именно на нем произошел роковой перелом от романтизма к декадансу.

Однако, почему в далеком 1857 году Главное управление общественной безопасности Франции предъявило иск к поэту, а также его издателям **Огюсту Пуле-Маласси** и **Эжену де Брузу**, выпустившим тиражом в тысячу экземпляров стихотворный сборник Бодлера *«Цветы зла»*? По приговору суда шесть стихотворений из ста были запрещены к печати, а на их автора и издателей наложен штраф соответственно в триста и двести франков. Чем стихи Бодлера угрожали общественной безопасности?

Известно, что еще при жизни Шарля обанкротившийся Пуле-Маласси продал все права на «Цветы зла» издательству «Кальман-Леви», которое в результате нажило на сборнике немалые деньги. Через несколько лет после смерти Бодлера его стихи стали иконой стиля не только для французской, но и для мировой литературы, а на «Цветах зла» выросло поколение новых поэтов. В 1949 году, спустя 92 года после первой публикации, запрет на печать шести стихотворений, изъятых из первого издания, был официально снят. Почему так произошло?

Давайте вместе с читателями библиотеки **«Фолиант» МБУК ТБК** и активистами ее **Литературного клуба «Прикосновение»** чуть ближе познакомимся с биографией Шарля Бодлера, первого из «проклятых поэтов». В ходе небольшого литературного расследования попробуем понять, в чем заключается его гениальность? И верно ли утверждение о нравственной благотворности абсолютного, бесспорного зла? Помогает ли оно объединиться силам добра?

Итак...

Все познается в сравнении

Ну, кто мог предположить, что ей, бедной бесприданнице **Каролине Дюфай**, воспитанной из милости в чужой семье и уже почти смирившейся с судьбой старой девы, суждены два брака - один удачнее другого?

В 1819-м, готовясь к первому замужеству, она была преисполнена благодарности к господину **Жозефу Франсуа Бодлеру**, старинному другу своих опекунов, почтенному вдовцу 60-ти лет, выходцу из крестьян, ставшему в эпоху Наполеона сенатором.

Обрести собственный дом, мужа, детей - все это казалось 26-летней Каролине почти неосуществимой мечтой. И ради ее воплощения она готова была смириться и с более чем почтенным возрастом жениха, и с наличием четырнадцатилетнего пасынка **Клода Альфонса**. И даже с тем фактом, что не сможет обвенчаться в церкви: когда-то в

молодости Жозеф Франсуа Бодлер был священником, но потом отказался от сана и навсегда потерял право на приобщение к святым таинствам... Они расписались в одиннадцатой мэрии Парижа, и в тот же день Каролина хозяйкой вошла в парижскую квартиру мужа на улице Отфей. С Клодом Альфонсом она тотчас же подружилась, старательно избегая тех досадных недоразумений, которые когда-то задевали ее саму в доме опекунов.

И когда 9 апреля 1821 года в семействе господина Бодлера появился второй сын, названный **Шарлем Пьером**, Каролина могла считать себя счастливейшей из женщин, ведь главные мечты ее жизни воплотились - она жила в достатке и была окружена своей семьей, члены которой были нежно привязаны друг к другу. Ей было всего 27 лет, а мужу - 62.

Франсуа Бодлер, будучи художником - любителем, с раннего детства прививал сыну любовь к искусству, водил его по музеям и галереям, знакомил со своими друзьями-художниками. Но в шестилетнем возрасте мальчик потерял отца...

Когда в жизнь Каролины вошел тридцативосьмилетний майор **Жак Опик**, ей стало абсолютно ясно, что раньше она и понятия не имела о том, что такое счастье. Можно ли было ожидать, что всего лишь через год после смерти первого мужа, которому она была предана всей душой, эта благоразумная женщина влюбится столь безоглядно, что поспешит замуж много раньше, чем истечет диктуемый приличиями трехлетний траур?

Но поспешность объяснялась просто: 8 ноября 1828 года, венчаясь с майором Опиком, вдова господина Бодлера была уже в середине новой беременности.

Родные отнеслись к ее поступку с пониманием: Жак Опик был так обаятелен, элегантен и благороден, что понравился всем, а особенно Клоду Альфонсу. И лишь семилетний Шарль почему-то дичился майора. Но для Жака Шарль был все равно, что родной сын... И далеко не каждому мальчику выпадало увидеть столько свидетельств трогательной заботы от родного отца, сколько Шарль в детстве видел от отчима

Увы, Каролине не удалось доносить до положенного срока ребенка майора: незадолго до Рождества 1828 года она разрешилась мертвой девочкой. С каждым новым проходящим годом ее надежды вновь стать матерью становились все призрачнее. И чем меньше шансов оставалось у четы Опик когда-либо завести совместных детей, тем больше надежд приемный отец возлагал на Шарля...

Вот мой вам подарок - ученик, который прославит ваш колледж!

А ведь любить этого мальчика и верить в его будущее было совсем не просто.

Всегда опрятный, мечтательный и весьма способный, он был на удивление неусидчив, вспыльчив, обидчив и даже злопамятен. К тому же он так пылко обожал мать, что ревновал ее ко всем на свете, а уж тем более к отчиму, в котором Каролина души не чаяла.

Человек долга, Опик, став опекуном Шарля, изо всех сил старался не ударить в грязь лицом. Устроил пасынка в пансион Делорма, и тот поступил в Королевский колледж в Лионе, куда майора Опика после присвоения звания полковника на некоторое время перевели по службе, и, наконец, по возвращении в Париж - в колледж Людовика Великого, в котором учились Вольтер и Дидро.

- *Вот мой вам подарок - ученик, который прославит ваш колледж*, - с такими словами он ввел приемного сына в кабинет директора этого учебного заведения в феврале 1836 года.

А спустя два года, когда перед пасынком уже маячил долгожданный диплом бакалавра, получил от того же директора уведомление о том, что ученик выпускного класса Шарль Пьер Бодлер исключен за «*дурное поведение, неоднократно наносившее урон порядку*».

В тот день муж впервые сорвался, в сердцах бросив Каролине упрек, что из двух сыновей почтенного мсье Бодлера она умудрилась произвести на свет не старшего,

вежливого и благоразумного Клода Альфонса, по-прежнему остававшегося в прекрасных отношениях и с мачехой, и с ее новым мужем, а этого несносного разгильдяя Шарля.

И все же до поры до времени Каролина надеялась, что сын образумится и два самых дорогих ей мужчины наконец-то примирятся между собой, хотя бы ради любви к ней. Только эта надежда и поддерживала мадам Опик, когда спустя некоторое время муж, привыкший жестко обламывать строптивых новобранцев, заявил ей, что исправить Шарля могут лишь решительность, строгость и немедленный разрыв с дурной компанией. И медлить нельзя: он уже договорился с капитаном отходящего в Индию корабля и даже внес задаток за предстоящее плавание ее сына к далеким берегам.

Щадя жену, Опик наотрез отказался ответить на вопрос, в чем же еще, кроме исключения из колледжа, провинился ее Шарль. Но из тайком подслушанных Каролиной разговоров между Жаком и срочно вызванным на семейный совет Клодом Альфонсом она узнала такие вещи, что и сама сочла за благо не задавать мужу лишних вопросов.

Прогулы лекций по праву в Сорбонне, куда Шарль поступил после того, как с грехом пополам получил-таки степень бакалавра, долги более чем в две тысячи франков, сделанные им всего за несколько месяцев, визиты к публичным женщинам и даже дурная болезнь, которую он уже успел подцепить от одной из них... Узнав о последнем постыдном факте, который преданный младшему брату Клод Альфонс больше года скрывал от родителей, шокированная Каролина окончательно сникла... Что ж, Индия так Индия...

Увы, путешествие в Индию не состоялось: истратив всю отпущенную на карманные расходы наличность уже на полпути, Шарль потребовал от капитана пересадить его на любой корабль, идущий обратно во Францию. А капитан, порядком уставший нести ответственность за этого странного парня, который, то бормоча что-то себе под нос, часами сидел в полном одиночестве, то вдруг начинал донимать попутчиков разговорами, в которых высмеивал все подряд - любовь, семью, религию, государство, и сам уже был рад от него избавиться.

Однажды он еле разнял юного Бодлера и молодого матроса, с которым тот завязал драку из-за раненой птицы - альбатроса-подранка, которую «эта матросня» жестоко мучила. Тщедушный Шарль так яростно накинулся на плечистого моряка, что никто и понять ничего не успел...

Вернувшись в Париж через восемь месяцев после отъезда, Шарль категорически заявил родителям, что принял решение - ни нотариусом, ни судьей, ни адвокатом, ни дипломатом, ни военным, ни кем бы то ни было еще он никогда не будет! Только поэтом! И данный факт огорчил военного Опики гораздо больше, чем все вместе взятые загулы пасынка в парижских борделях.

Под судом

«Господи, ну почему Шарль не потрудился отыскать для своей первой большой книги хотя бы заголовок поскромнее?! - думала его мать.- О, Жак был тысячу раз прав, когда говорил, что ее великовозрастный сын так и остался балованным ребенком, который уверен, что ему все позволено!»

В стихах Шарля не было ни нежности, ни ласки, ни радости, только черная тоска, тяжкие страсти да безжалостные описания завораживающего порока... Кто-то сказал Каролине, что стихи - это душа поэта... Так неужели же это душа ее мальчика? Видит бог, она и сама не безгрешна и ей не раз приходилось каяться в своих грехах... Но ей никогда и в голову не приходило ими любоваться. А Шарль любовался даже чужими. И, кажется, отнюдь не презирал, а жалел этих грешников, воспетых его пером...

Стоит ли удивляться, что книга под названием «Цветы зла», едва выйдя в свет, тут же заинтересовала Главное управление общественной безопасности. А уж рассмотрев ее повнимательнее, там просто за голову схватились. «Скверный монах», «Падаль», «Бочка

ненависти», «Хмель убийцы», «Литании сатане» - и это только некоторые из наиболее одиозных заглавий не менее одиозных стихов...

И вот завтра написавший их поэт сядет за оскорбление морали на скамью подсудимых в 6-й палате исправительного уголовного суда, где до него сидели сотни проституток, пьяниц, карточных шулеров и уличных дебоширов...

Поистине проклятым годом стал для Каролины и ее семьи 1857-й! Сначала смерть мужа Жака, теперь этот суд над Шарлем... А ведь нотариус **Нарсисс Дезире Ансель** ее предупреждал...

Ни франка, ни единого сантима сверх оговоренного содержания!

Оглашая перечень имущества, право распоряжаться которым после смерти отчима получал 21-летний Шарль Бодлер, мэтр Ансель не мог отделаться от мысли, что сам он был бы счастливейшим из смертных, если бы в день собственного совершеннолетия, получил бы такой подарок - 75 тысяч франков на банковском счету, участки земли в Нейи, акции Банка Франции.

Однако профессиональный опыт и наметанный взгляд, мгновенно отметивший и некую нервную робость, с которой держался наследник, и лихорадочный румянец, говоривший о явно нездоровом образе жизни, подсказывали ему, что корм не пойдет коню впрок.

- *Увы, мадам, его почти наверняка осудят. И тем не менее я прошу Вас быть твердой. Ни франка, ни единого сантима сверх оговоренного содержания! Или я раз и навсегда снимаю с себя всю ответственность! И пусть о Вас на старости лет заботятся те девицы, на которых мсье Бодлер спускает свое и Ваше состояние...*

И спохватившись, что в пылу спора он несколько погрешил против правил профессиональной вежливости, нотариус **Нарсисс Дезире Ансель** смущенно умолк. Впрочем, его клиентка мадам **Опик** была смущена не меньше. Она решительно не знала, как ей поступить,

- *Поверьте, мадам, я вовсе не для того проехал двести миль из столицы сюда, в Онфлёр, чтобы огорчить Вас, - примирительно проговорил мэтр Ансель. - Но мсье Шарлю уже тридцать шесть лет, и ему пора наконец научиться самому отвечать за свои грехи... Поймите, теперь, когда с нами уже нет генерала Опика, я чувствую себя в ответе не только за Вашего несчастного сына, но и за Вас...*

Чудной он все-таки, этот Бодлер...

-... *Эй, принеси-ка еще свечей и захвати бутылку бургундского. Да передай хозяину, что дрова почти вышли!*

Голос, раздававшийся из-за приоткрытой двери углового номера гостиницы «Вольтер», старался казаться повелительным, но звучал хрипло и даже жалко. И мальчишка-посыльный, зная, что постоялец его не видит, не удержавшись, скроил презрительную гримасу.

Ну, топить камин в августе хозяин нипочем не позволит, а уж про бургундское и вообще говорить нечего. Хозяин строго-настроено запретил отпускать «*этому прохвосту Бодлеру*» вино и провизию, пока тот не рассчитается по предыдущим счетам. Всем в гостинице отлично известно, что господин Бодлер состоит под судом и не ровен час угодит в тюрьму. Так что хозяину вовсе не улыбается потерять свои денюжки.

Чудной он все-таки, этот Бодлер. Если посмотреть на него, когда он в своей белоснежной муслиновой рубашке с плиссированными манжетами, в черном костюме и цилиндре на голове выходит вечером прогуляться, то ни дать ни взять - денди. А если послушать, как он скандалит со своей подружкой, так не всякий водовоз с ним сравнится.

Ну, уж и подружка у него сушая фурия: морщинистая, худая, горластая. Но когда

она в прошлом году наконец-то съехала, этот Бодлер почти две недели ходил с красными глазами, и горничные со смеху покатывались, рассказывая, как он по вечерам у себя в номере, чуть ли не в голос рыдая, зовет свою **Жанну**.

А уж хвастун! Полгода обещал хозяину подарить шикарную книгу собственного сочинения, которая вот-вот должна выйти, а преподнес, да еще как важно, какой-то серенький томик стихков, в которых не поймешь ни слова. А теперь его за эти стишки еще того и гляди упекут.

«...Скряга-хозяин, конечно, не даст ни вина, ни дров, - думал Шарль, - но, может быть, отпустит хоть свечи. Тогда удастся скоротать время до утра за какой-нибудь работой и не думать каждую минуту о завтрашнем суде... Если бы еще не этот проклятый озноб, который колотит его уже который день...»

А может быть, его еще и оправдают? Ведь оправдали же **Флобера**, привлеченного к суду в феврале за свою *«Мадам Бовари»*.

Но мелькнувшая на секунду надежда тут же покинула Шарля. За Флобера просила сама кузина императора, принцесса **Матильда**. Увы, он себе таких покровительниц не нашёл. Единственная дама, у которой он осмелился попросить поддержки и которая ему ее пообещала, - **Аполлония Сабатье**. Пару лет назад он почти влюбился в эту грациозную, прелестно сложенную, всегда веселую красотку и даже послал ей с десятков страстных стихотворений, в авторстве которых тогда так и не осмелился признаться.

Кстати, все они вошли в «Цветы зла», и, кажется, именно на одно или два из них судьбы ополчились особо... Так что можно считать, что защищать Аполлония будет не его, а саму себя, а значит, она уж должна постараться. Но все же она не принцесса, а всего лишь куртизанка, хотя и очень влиятельная...

Ну, и плевать! Он все равно не стал бы пресмыкаться перед какой-то из этих холеных дам, называющих себя благородными светскими дамами и с головы до ног пронизанных условностями, как марионетка своими нитями. Даже его мать всего лишь одна из них... Вдова генерала и сенатора, кавалера ордена Почетного легиона и тридцати шести иностранных орденов... Разве она не могла бы о нем похлопотать? Но она ни за что не захочет... Да если бы она и захотела, Ансель ей конечно же не позволит, а она сама и шагу не ступит без этого крючкотвора и онфлёрского кюре. Будет ходить у них на поводке, как всю жизнь ходила у генерала Опики...

Говорят, когда его матушка уезжала с ним из Мадрида, где отчим несколько лет служил французским послом, местные нищие почтительно вышли проводить свою покровительницу, все эти годы щедро расточавшую им подавание. И это в то время, когда он буквально загибался в Париже без гроша и без единой родной души...

Искусственное безумие

С Жанной Шарль познакомился пятнадцать лет назад. Вспоминая о том времени, он всякий раз блаженно закрывал глаза. Два самых упоительных года в его жизни... Едва получив отцовское наследство, Шарль тут же снял квартиру на острове Сен-Луи, а спустя несколько месяцев переехал в расположенный неподалеку отель «Пимодан».

И хотя апартаменты, которые он любовно обставил антикварной мебелью и замысловатыми безделушками, были под самой крышей, место того стоило, ибо в те годы не было другого дома, о котором среди парижской богемы судачили бы больше, чем об этом здании времен Людовика XIV. Именно здесь был расположен знаменитый *«Клуб гашишистов»*, придуманный доктором **Жозефом Моро**.

Огромные картины без рам, фрески на стенах, стены, кое-где еще сохранившие бархатную обивку. Вся эта обстановка, несмотря на ее экзотическое величие, была лишь фоном для куда более экзотических собраний и грез, которым предавались их участники, являвшиеся в красную гостиную отеля по заранее условленным дням.

В эти дни к столу вместо аперитива подавалось разложенное на блюдечках японского фарфора темно-зеленое «повидло», сваренное из пряностей, масла, сахара, апельсинового сока и... чистейшего алжирского гашиша. Полагалось запивать необычную закуску несколькими чашечками крепкого неподслащенного кофе и, только вкусив этой смеси, переходить к столу.

Впрочем, сесть за ужин можно было и не пробуя «повидла»: как минимум, один из гостей, заранее намеченный хозяином, намеренно лишился этого десерта, чтобы присматривать за остальными, если они в плену обрушившихся на них грез вдруг начнут угрожать своей или чужой жизни.

Изучавший психиатрию Моро утверждал, что, наблюдая за сладостным *«искусственным безумием»*, которое вызывает гашиш, он изучает безумие настоящее. И ключ к излечению страждущих уже почти у него в руках... Впрочем, злые языки утверждали, что доктор неплохо зарабатывает на «повидле», которое далеко не бесплатно отпускает гостям: ведь многие из них после нескольких ужинов с этим упоительным десертом начинают предпочитать его всем остальным земным радостям.

Жанне оно тоже нравилось, и Шарль, желая расположить к себе девушку, старался как можно чаще брать ее с собой в салон Моро, где можно было запросто встретить **Виктора Гюго, Александра Дюма и Оноре де Бальзака.**

Попытка самоубийства

Он давно расстался с мечтой разбогатеть на своих книгах. Но создать из слов нечто еще неслыханное человеческим ухом, особую поэзию, которая докажет всем и каждому, что последняя шлюха, пристающая к посетителям в казино «Каде», все равно не перестает быть великим созданием господина... Расстаться с этой мечтой было выше его сил...

Поначалу, осознав, что остался без денег, к которым успел привыкнуть, Шарль, конечно, попытался извлечь выгоду из своего увлечения литературой. Но журналам нужна была не великая поэзия, о которой грезил Бодлер, а всего лишь бойкие фельетоны с едкими шутками и анекдотами на злобу дня. Его брошюра о художественной выставке 1845 года осталась совершенно не замеченной. А статью о поэтессе Луизе Коле вовсе отказались печатать...

Он был раздавлен, поражен собственной беспомощностью. Даже решил покончить с собой... Отдал Жанне письмо, в котором сообщал мэтру Анселю, что завещает все оставшиеся деньги матери и подруге, и прямо в кабачке, где ужинал с приятелями, ударил себя ножом в грудь. Но только порезал мышцы...

Несколько следующих недель он провел на Вандомской площади - отринув все обиды и условности, Каролина приехала к Жанне, дома у которой он лежал, и забрала сына в собственную роскошную квартиру, которую Опику предоставили как командующему парижским военным округом.

Опытный стратег, генерал конечно же решил, что разгадал его маневр, - попытка самоубийства была фарсом чистейшей воды, чтобы жестоко напугать мать, вынудить ее отказаться от опекунского совета и вернуть себе право на прежнее безбедное житье... И он без обиняков заявил об этом пасынку, как только тот, по его мнению, достаточно поправился для крепкого мужского разговора.

На следующий день Шарль ушел. *«Я не могу стать таким, каким хотел бы видеть меня твой муж, следовательно, жить дольше у него - значило бы его обкрадывать»*, - написал он матери.

Уходя, он старался не вспоминать о том времени, когда называл Жака Опику папой и больше всего на свете любил вечерние часы, которые они с отчимом и матерью проводили в гостиной... Он понимал, что возврата в те удивительные дни уже не будет никогда. Теперь кроме стихов и Жанны у него больше никого не было...

Она всегда такая, какой сама хочет быть...

Чем околдовала Шарля смуглая, толстогубая и курчавая девица? Его новый приятель, фотограф и карикатурист **Феликс Надар**, с которым, так же как с писателем **Теофилом Готье**, художником **Жозефом Буассаром** и той самой Аполлонией Сабатье, Шарль познакомился в салоне, предупреждал его, что **Жанна Дюваль**, называющая себя то Жанной Лёмер, то Жанной Проспер, - изрядная паршивка. И Надар знал, о чем говорил, ведь у него тоже была с нею интрижка.

Но Шарля мало волновали соображения Надара, во всяком случае, гораздо меньше, чем волновал его запах Жанны, голос Жанны... До знакомства с Шарлем она играла небольшие роли в крошечных театриках, где промышляла не столько актерством, сколько бесконечными романами. Жанна была «квартиронкой», то есть на одну четверть негритянкой из французского Гаити, и ее экзотическая внешность позволяла ей без труда обращать на себя внимание мужчин.

Впрочем, удержать кого-либо из них надолго ей мешал скверный характер. Но ее новому любовнику как будто даже нравились ее грубость, беспардонность, а иногда откровенное презрение, которым она, ничуть не стесняясь, могла облить его при посторонних. И Жанна, поняв его странную тягу именно к ее порокам, старалась вовсю... Вот как описывал ее Шарль в своих стихах:

Ты на постель свою весь мир бы привлекла,
О, женщина, о, тварь, как ты от скуки зла!
Чтоб зубы упражнять и в деле быть искусной -
Съесть по сердцу в день - таков девиз твой гнусный.
Зазывные глаза горят, как бар ночной,
Как факелы в руках у черни площадной,
В заемной прелести ища пути к победам,
Но им прямой закон их красоты неведом.
Бездушный инструмент, сосущий кровь вампир,
Ты исцеляешь нас, но как ты губишь мир!
Куда ты прячешь стыд, пытаясь в позах разных
Пред зеркалами скрыть ущерб в своих соблазнах
Как не бледнеешь ты перед размахом зла,
С каким, горда собой, на землю ты пришла,
Чтоб темный замысел могла вершить Природа
Тобой, женщина, позор людского рода, —
Тобой, животное! - над гением глумясь.
Величье низкое, божественная грязь!

Когда раздосадованные ее выходками приятели как-то спросили Шарля, почему он все это терпит, тот только развел руками: *«Она всегда такая, какой сама хочет быть...»* Несмотря на свою молодость, он уже успел узнать, что далеко не каждая женщина может позволить себе такую роскошь.

Тебя, как свод ночной, безумно я люблю...
Тебя, как свод ночной, безумно я люблю,
Тебя, великую молчальницу мою!
Ты - урна горести; ты сердце услаждаешь,
Когда насмешливо меня вдруг покидаешь,
И недоступнее мне кажется в тот миг
Бездонная лазурь, краса ночей моих!
Я как на приступ рвусь тогда к тебе, бессильный,
Ползу, как клуб червей, почуя труп могильный.
Как ты, холодная, желанна мне! Поверь, -
Неумолимая, как беспощадный зверь!

Между тем тучи уже начинали сгущаться над его головой. Гашиш по пять франков за порцию, обустройство квартирки для Жанны, элегантнейшие брюки, шляпы и жилеты, - все это требовало немалых средств.

И очень скоро Шарль, еще недавно клятвенно обещавший родным не прикасаться к основному капиталу и расходовать лишь приносимый наследством доход, а в случае нужды подрабатывать частными уроками, вынужден был заложить землю и начать распродавать ценные бумаги.

Когда десять тысяч франков, вырученные в результате этих операций, растворились в круговерти богемной жизни, он невинно осведомился у матери, не займет ли она ему еще восемь. А потратив и их, заявил ужаснувшемуся Анселю, что продает землю.

На сей раз распорядиться вырученными деньгами он поручил Каролине, но едва оформив доверенность, принялся бомбардировать ее письмами, в каждом из которых мать находила просьбу об очередной сумме, выраженной не менее чем трехзначным числом.

Ох, эти вопросы...

Все последние месяцы до суда мадам Опик терзалась вопросом: права ли она была, отступившись тогда от Шарля и отдав его на растерзание опекунскому совету, в необходимости которого ее убеждали Жак и Клод Альфонс?

Бедный, бедный Жак... Только Каролина знала, насколько страстно муж желал Шарлю добра! Блестящей карьеры, выгодной должности, верной и любящей жены... Такой, как досталась ему самому...

Но что, если все, что казалось им лишним и вредным в жизни Шарля - его долги, гашиш, глупые метания, непотребные стихи и даже эта кошмарная негритянка, были нужны сыну для какой-то одному господину ведомой цели, как нищему нужно его рубище, а больному - его язвы?

Она постаралась вспомнить те неожиданно теплые слова, что однажды услышала о сыне от **Максима дю Кана**...: *«У этого Бодлера темперамент истинного поэта...»* Помнится, мсье дю Кан тогда страшно смутился, когда кто-то шепнул ему, что расхваливаемый им поэт - пасынок господина посла и что посол терпеть его не может...

Что ж, она никогда не судила Жака... Трудно любить того, кто так безжалостно надругался над твоими заботами.

Но что, если от них всех: отчима, матери, брата - Шарлю были нужны не заботы, а лишь любовь? Истинно родительская, безоглядная, всепрощающая, самоотверженная, а не та механическая опека, которой они пытались его окружить, постоянно ожидая за свои труды заслуженной награды в виде послушания?

Ох, эти вопросы...

Каролину до сих пор подирал мороз по коже при воспоминании о том злосчастном визите в «Пимодан». Едва войдя в номер, до которого ее проводил постоянно перечислявший долги Шарля консьерж, она обнаружила в комнате вместо сына развалившуюся в кресле полуобнаженную девицу, заявившую, что мадам Опик придется подождать.

Ей едва удалось найти свободное место на кушетке, заваленной кучей мужского и женского нижнего белья, книгами и смятыми счетами. А девица и глазом не повела в ее сторону; все время, пока Каролина сиротливо жалась в углу дивана, эта бесстыдница молча полировала свои острые птичьи ногти. Впрочем, вскоре явился и Шарль: всклокоченный, потный, с расширенными зрачками и блуждающим взглядом...

В тот же день она заявила сыну, что до той поры, пока он путается со шлюхами, она не переступит порог его дома и завтра же подаст все документы для назначения опекунского совета. Каролина сдержала слово, а председателем совета стал мэтр Ансель. Отныне только он мог распорядиться имуществом Шарля и выдавать ему раз и навсегда

определенное месячное содержание. Чтобы иметь кусок хлеба и чистые рубашки, этих денег было вполне достаточно. Для того чтобы жить не думая ни о чем, кроме своих стихов, - катастрофически мало.

...Шарль до сих пор помнил, как мэтр Ансель заставил его тащиться из Парижа в Нейи, а потом обратно, чтобы выпросить денег на умывальник и... ночной горшок. Он, видите ли, не мог дать Шарлю ни сантима сверх месячного содержания, не испросив разрешения у мадам Опик...

Если Ансель опять, заупрямится, придется просить у матери. Значит, лучше написать и ей сразу. Сколько их было писано за эти годы - отвратительных заискивающих писем, единственной целью которых было выцыганить несколько сотен, а то и десятков франков... В них он клялся в сыновней любви, расписывал матушке свои творческие планы, никогда не забывая упомянуть, какой гонорар ему могут заплатить за ту или иную еще не написанную книгу...

Он знал, что большинство из них он скорее всего никогда не напишет, потому что всегда писал мучительно трудно, сомневаясь в каждой запятой, злясь на себя и весь мир, платя скаредным издателям неустойки за отозванные из типографии гранки, в которых он в очередной, который уже раз пожелал поправить несколько слов, казавшихся ему неточными. Однажды он сознался Теофилю Готье, что, выбирая книгу на ночь, часто предпочитает всем романам простые словари, ведь слова как драгоценные камни - их блеском невозможно пресытиться...

В поисках цветов зла, или Новая старая жизнь

Постепенно Шарль притерпелся к новой жизни. К вечному попрошайничеству, которым он изводил Ансея и Каролину, к скитаниям по меблированным комнатам и третьеразрядным отелям, из которых можно было иногда улизнуть, не заплатив... К постелям с клопами и вечно пропадающей почте, ведь отправив письмо, он не всегда успевал дождаться ответа по старому адресу... К постоянной лихорадке и головокружениям - последствиям недолеченной гонореи и сифилиса, которым он заразился, еще когда жил в отеле «Пимодан». От кого? Ну откуда ж ему было знать!

Среди его приятелей и их подружек, которыми они иногда для забавы менялись, каждый третий страдал от той же болезни. Да и Жанна ее не избежала. Увы, ее недуг прогрессировал гораздо быстрее, чем его собственный. День ото дня дерзкая, страстная кварталонка все стремительнее превращалась во вздорную старуху, что, однако, вовсе не мешало ей изменять Шарлю так же часто, как она изменяла всем мужчинам до него.

Впрочем, к ее изменам, которые она даже и не пыталась скрывать, он тоже притерпелся. Иногда, когда ему уж слишком сильно хотелось отомстить ей, он попросту делал то же самое... Они расходились и сходились, ссорились и мирились и никак не могли расстаться насовсем. Когда Жанна, любившая собак, вышвырнула из квартиры кошку Шарля, он в сердцах разбил ей голову медным подсвечником. Но стоило Жанне заболеть - и он кидался к ней, отдавая врачам последние деньги, покупая лекарства и лакомства, потому что вопреки всякой логике верил - если понадобится, она сделает то же для него.

В очередной раз они сошлись в конце 1855-го, когда он, так и не сумев завести сколько-нибудь серьезные отношения ни с какой другой женщиной: ни с Аполлонией Сабатье, ни с актрисой Мари Добрен, не знал, куда девать себя от тоски. Вскоре он перевез Жанну сюда, в гостиницу «Вольтер», от которой Шарлю было рукой подать до типографии газеты «Монитёр юниверсель», где из номера в номер с продолжением печаталась повесть **Эдгара Алана По**, переведенная его стараниями.

Переводы Бодлера были одним из первых переложений По на французский язык, и их неплохо печатали. Но даже если бы никто их не брал, он все равно переводил бы... Шарль находил между новеллами По и своими собственными стихами так много общего,

что искренне полагал - никогда им невиданный американец - не кто иной, как его духовный двойник. Он даже признавался, что каждое утро молится за упокой души скончавшегося в 1849 году Эдгара, поминая его сразу после имени своего родного отца.

Ради того, чтобы переводить новеллы своего кумира. Шарль вновь взялся изучать английский, к которому его когда-то пыталась приобщить родившаяся в Лондоне мать и которым он, чтобы угодить ей, немного занимался в колледже.

Стремясь побыстрее забыться после очередного расставания с Жанной, которое, как всегда, казалось ему окончательным, он неделями разыскивал в парижских кабаках английских моряков. И пропитые рыжебородые боцман удивленно рассматривали этого парижского денди, настоятельно требовавшего, чтобы они как можно скрупулезнее объяснили ему точное значение заковыристых просоленных словечек, которыми изобиловала повесть о приключениях в далеких морях Артура Гордона Пима.

Суд над стихами

Небрежность в обращении со словами было единственным, к чему Шарль так и не смог притерпеться... Пятнадцать лет он, как скупой рыцарь свое золото, копил листок за листком свои странные жестокие стихи. И вот несколько месяцев назад две картонные папки, в которые было уложены ровно сто листов - на каждом по одному переписанному каллиграфом стихотворению, были наконец-то отданы наборщикам. Название еще два года назад подсказал Бодлеру приятель **Ипполит Бабу**. А издать сборник решился нормандец **Огюст Пуле-Маласси**, потомственный печатник и владелец типографии в Алансоне.

Ни о каком оскорблении морали и нравственности он и не думал... Только об искусстве и красоте, которые, как цветы и трава, пробивают себе дорогу даже сквозь камни мостовой и толщу порока...

20 августа 1857 года в здании Дворца правосудия на острове Сите состоялся суд, рассмотревший иск Главного управления общественной безопасности к поэту Шарлю Бодлеру и издателям Огюсту Пуле-Маласси и Эжену де Бруазу, выпустившим тиражом в тысячу экземпляров стихотворный сборник «Цветы зла». В тот же вечер Нарцисс Дезире Ансель отправил мадам Опик в Онфлёр короткое письмо с отчетом о приговоре, вынесенном по делу ее сына: шесть стихотворений из ста были запрещены к печати, а на их автора и издателей наложен штраф соответственно в триста и двести франков.

При жизни Бодлера одиозный сборник увидел свет еще однажды - в 1861 году. Вместо шести изъятых законом он добавил в него 35 новых стихотворений - ничуть не мягче прежних. Но на сей раз на упрямого поэта махнули рукой и суда над книгой затевать не стали - ее все равно никто не покупал...

До конца жизни поэт оставался под контролем опекунского совета и так и не выбился из нужды, влача полунищенское существование и время от времени выпрашивая подачки у матери и неумолимого мэтра Анселя. Однажды, вознамерившись подвести итоги своих литературных трудов, он посчитал, что за всю жизнь заработал 15 892 франка и 60 сантимов - на 4 892 франка больше, чем ежегодно выплачивало министерство обороны вдове генерала Опики...

Мать не раз звала сына из экономии навсегда переехать в ней в Онфлёр. Но Шарлю, навещавшему Каролину, быстро надоело быть пайной, и он начинал требовать в местной аптеке слишком большие дозы шафранно-опийной настойки, без которой, увы, не мог обходиться...

Что до Жанны Дюваль, то к концу жизни поэт, еще несколько раз после суда сходящийся со своей роковой любовью, окончательно потерял ее из виду и, умирая в свои 46 лет, даже не знал, жива ли еще его Черная Венера. Впрочем, новой сколько-нибудь постоянной подруги он себе тоже не завел и довольствовался тем, что время от времени нанимал проституток, некоторых из них даже водил с собою в Лувр: Шарля

забавляло, что невежественных девушек из домов терпимости неизменно до слез смущали обнаженные античные статуи.

Он скончался 31 августа 1867 года. А предсказание генерала Опики сбылось: сегодня во всех справках о колледже Людовика Великого в Париже помимо Вольтера и Дидро обязательно упоминается имя Шарля Бодлера.

Что говорит, Бодлер был гений...

Так сказал в своей статье «Декаденты и диссиденты» современный писатель и критик **Дмитрий Быков**.

В настоящее время стихи Бодлера популярны и часто переиздаются. Только с 2003 года книга «Цветы зла», самый скандальный и самый прославленный из сборников стихов поэта, переиздавалась 17 (!) раз. На стихи Бодлера писали музыку К. Дебюсси, Э. Шабрие, Г. Форе, Венсан д'Энди, Гюстав Шарпантье, Эрнест Шоссон, Анри Дюпарк, Альфредо Казелла, Фрейташ Бранку, А. фон Цемлинский, А. Берг, К. Штокхаузен, Н. Рорем, А. Соге, Арне Меллнесс, Кайхосров Сорабджи, Оливье Грейф, С. Танеев, А. Гречанинов, А. Крупнов, Юрий Алексеев, Д. Тухманов, Диаманда Галас, Лоран Бутонна, Милен Фармер, Константин Кинчев и др.

«С Бодлера началась литература плодотворного и торжествующего упадка, эстетика безобразного, научившая тысячи эпигонов втискивать в ослепительно совершенную форму максимум мерзостей, до которых только могло додуматься изощренное воображение. Этот контраст, - пишет Быков, - пробивает даже теперешнего читателя, а тогдашнего оглушал не хуже дубины.

Кульť наркомании пошел от Бодлера, даром что сам он наркоманом не был; Бодлер узаконил интерес к низменному, постыдному, кощунственному, вывернул наизнанку пафос Гюго - первого поэта эпохи - и возглавил список «проклятых поэтов», определивших лицо европейской лирики на век вперед.

Корбьер, Верлен, Рембо, Малларме - а в конечном счете и **Ницше**, и **Д'Аннунцио**, и **Дали** - все это ягодки от тех самых «Цветов зла», за которые Бодлер был оштрафован французским судом. Он первый научился наслаждаться ароматами падали, упиваться падением, воспевать трущобу. Он открыл питательный слой, гумус, на котором возросли змеистые, ползучие стебли модерна, его лианы, болотные лилии, опиумные маки.

Бодлер первым додумался искать сверхчеловека среди падших, в отверженных увидел отвергнувших, высшим проявлением христианства в Новое время счел богоборчество, а то и прямое богохульство.

Конечно, без декаданса в литературе бы всяко не обошлось - этап неизбежный, противный, но ослепительный; нашелся бы другой впечатлительный ребенок с большим воображением и дурным характером... но факт остается фактом: первый декадент Европы - Бодлер. Он же - главный символ эпохи.

Можно спорить о том, оправдывает ли художественный результат все эти гадости, которые декаденты щедро проделывают с собой и окружающими... Но декаданс - неизбежный этап на пути большого искусства, упадок перед новым возрождением, распад перед рывком, и добросовестно пройти его, пожалуй, душеполезней, чем избежать.

Русское искусство, не отказываясь от эстетических поисков, все-таки миновало фазу декаданса или по крайней мере переболело этой корью в самой легкой форме.

Незадолго до сумасшествия Мопассан прочел «Смерть Ивана Ильича» Чехова - и сказал: «Я вижу теперь, что мои десятки томов ничего не стоят». Стоят, конечно, и возможно, Бодлер, прочитав «Мороз, красный нос» или «Последние песни», сказал бы нечто подобное. А все почему?

А потому, что русская литература не могла позволить себе гнить и разлагаться: она была единственным средством защиты общества от власти. В этом смысле Россия

блестяще подтверждает слова Томаса Манна (в «Фаустусе») о нравственной благотворности абсолютного, бесспорного зла. Оно позволяет объединиться силам добра, предостерегает их от заигрывания с дьяволом.

В России это зло воплощалось в косном политическом устройстве, в расправах, бесправии, воровстве, крепостничестве, преследованиях инакомыслия - словом, отечественное государство аккумулировало в себе слишком большое количество зла и негатива. И поэзия, борясь с ним, преодолевала соблазны декадентства: у нас не было своих Рембо, и даже наши модернисты вроде Брюсова далеко не достигали тех глубин падения, которыми прославились их западные коллеги.

Вот почему, быть может, и авангард наш с самого начала общественно окрашен - и уходит не в заумь и самоуничтожение, а в плакат, в эстетику радостного преобразования жизни. Наш Некрасов масштабнее, разнообразнее, человечнее Бодлера. Потому что российское государство не позволяло русским поэтам любоваться цветами зла и заставляло посылно бороться с ними.

«...Если зерно, упав в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, принесет много плодов. И, наверное, искусство Запада, прошедшее декаданс, сегодня ближе к воскресению, чем искусство России. Но если бы это зерно умерло, вообще непонятно, что у нас тут было бы живого», - делает вывод Дмитрий Быков.

Итак. «Цветы зла» - книга, о которой писали даже не сотни, но - тысячи критиков. Однако никому из них не удалось объяснить концепцию «Цветов зла» лучше, чем сделал это сам Бодлер: *«Этот мир покрыт столь толстым слоем пошлости, что презрение к нему со стороны каждого умного человека неизбежно принимает силу страсти».*

Литература:

Его произведения:

1. **Бодлер Ш.** Избранные письма / Перевод под ред. С. Л. Фокина. - СПб.: Machina, 2012. - 366 с.
2. **Бодлер Ш.** Лирика. - М., 1965. - 187 с.
3. **Бодлер Ш.** Об искусстве. - М., 1986.
4. **Бодлер Ш.** Падаль. Вглубь стихотворения /Переводы с французского// Иностранная литература. -2000.-№ №9..
5. **Бодлер Ш.** Стихотворения. Проза /Сост. вступ. ст. Г. Мосешвили. - М.: Рипол Классик, 1997.
6. **Бодлер Ш.** Цветы Зла: Стихотворения. Статьи об искусстве. - М.: Эксмо-Пресс, 1998.
7. **Бодлер Ш.** Цветы зла. - М.: Наука, 1970. - 470 с.
8. **Бодлер Ш.** Цветы зла/ Перевод Эллиса. -Томск: Водолей. - 1993. - 400 с.
9. **Бодлер Ш.** Цветы зла/ По авторскому проекту третьего издания. - Кишинёв: Литературный фонд «Axul Z», 1996. - 304 с.
10. **Бодлер Ш.** Цветы зла/С парал. франц. текстом. - М.: Радуга, 2006. - 796 с.
11. **Бодлер Ш.** Цветы зла. - М.: Эксмо, 2007. - 304 с.
12. **Бодлер Ш.** Цветы зла/Перевод В. Шершеневича. - М.: Водолей, 2009. - 356 с.
13. **Бодлер Ш.** Цветы Зла. Стихотворения в прозе /Сост., вступ. ст. Г.К.Косикова; коммент. А.Н. Гиривенко, Е.В. Баевской, Г.К. Косикова. - М.: Высш.шк., 1993.
14. **Бодлер Ш.** Цветы зла. Школа язычников. - М.: Изд-во Эксмо, 2005. - 352 с.

О нем:

Балашов Н.И. Легенда и правда о Бодлере// Бодлер Ш. Цветы зла. -М., 1970. - Стр. 233-288.

1. **Батай Ж.** Бодлер //Батай Ж. Литература и Зло: Сб. эссе:]. М.: МГУ, 1994.
2. **Беньямин В.** О некоторых мотивах у Бодлера (отрывок) / Пер. А. Магуна //Синий диван. - № 1, 2002. - С. 107-124.
3. **Бибиков В.** Три портрета. Стендаль. Флобер. Бодлер. - СПб., 1890.

4. **Быков Д.** Декаденты и диссиденты. Шарль Бодлер. От романтизма к декадансу/ Дмитрий Быков//Известия.- 2011.- 8 апреля.
- Валери П.** Положение Бодлера// Валери П. Об искусстве.- М., 1993. - Стр. 338-353.
5. **Варьяш А.** Шарль Бодлер: Осужденный/ Антонина Варьяш// Караван историй. -2012.- №8.- Стр. 174-189.
6. **Дрыжакова Е.Н.** В волшебном мире поэзии. - М.: 1995.
7. **Засурский Я.Н., Гураева С.В.** История зарубежной литературы IX века. - М.: Просвещение, 1982.
8. **Иванов Г.** Шарль Бодлер/Геннадий Иванов//Иванов Г.В. Калюжная Л. С. Сто великих писателей - М.: Вече, 2000.- Стр. 282-287.
9. **Козицкий С.** Слово редактора/Сергей Козицкий // Гала - Биография. - 2013.-№5.- Стр.3.
10. **Купер Дж.** Энциклопедия символов. Книга IV. - М.: Ассоциация Духовного Единения «Золотой Век», 1995. - (Серия "Символы").
11. **Левик В.** Есть красота у нас, что древним неизвестна// Бодлер Ш. Об искусстве. - М., 1986.- Стр. 516.
12. **Левик В.** Шарль Бодлер// Писатели Франции / Сост. Е.Эткинда. М.: Просвещение, 1964.
13. **Нольман М.Л.** Координаты бодлеровского стиля. (Стихотворение "L'amor du mesonge")// Стилистические проблемы французской литературы. - Л., 1974. - С. 165-174.
14. **Нольман М.Л.** Шарль Бодлер. Судьба. Эстетика. Стил. - М., 1979.
15. **Приходько И.С.** К проблеме выражения авторской личности в сборнике Ш.Бодлера "Цветы зла"// Проблемы личности автора в художественном произведении на материале западноевропейской литературы. - Владимир, 1982. - Стр. 109- 123.
16. Структурализм «за» и «против»: Сб. статей/Под ред. Е.Я. Басина, М.Я. Полякова. - М.: Прогресс, 1975.
17. **Усминский О.И.** Сенсорные тропы: классификация, значения, функции: монография. -Тюмень: ТГУ, 1996.
18. **Эткинд Е.Г.** О внешнем и внутреннем пространстве в поэзии Бодлера // Стилистические проблемы французской литературы. Л., 1974.- Стр. 189-208.
19. **Якобсон Р., Леви-Стросс К.** "Кошки" Шарля Бодлера/Роман Якобсон и Клод Леви-Стросс/ Пер. с франц. Г.К. Косикова.- 1980.- Стр. 231-255.